

На снимке, черно-белой фотографии, выцветшей почти до сепии спустя более четырех десятилетий, изображены три фигуры на песке в Скарборо. Мы широко улыбаемся на оживленной набережной, позади нас стоит отель "Лорд Нельсон". Я в центре, брюки подпоясаны вокруг рубашки, которая развеивается позади меня на резком ветру, как спинакер. Несмотря на ветер, день теплый, и рукава рубашки закатаны вокруг моих предплечий, а на маме и Каролин легкие летние платья. Моя мать, Марджори, ухмыляется, глядя на мой профиль, в то время как я смотрю вдаль, прямо в объектив камеры. С другой стороны от меня - Кэролин, одетая, насколько я помню, в голубое платье, а моя мать - в летнее канареечно-желтое.

Фотография навеивает воспоминания о том лете, воспоминания, которые я не позволил себе забыть, но которые, как и фотография, потускнели с годами.

Тем летом в моей жизни произошли огромные события. Я потеряла девственность и пережила ряд сексуальных приключений, в которые я иногда не могу поверить. Но они произошли, и эта фотография возвращает меня в прошлое, в отель "Лорд Нельсон" в Скарборо и в недели, предшествовавшие этому визиту.

Один

Каролин загорала в саду, не обращая внимания на мое присутствие, а я наблюдал за ней, прижавшись лицом к грубому, необработанному дереву, не сводя глаз с отверстия, которое я увеличил перочинным ножом. Женщина, сладострастная и зрелая, лежала на шезлонге, ее тело прикрывало смелое бикини, пока я потел в стенах сарая. Я хотел потрогать себя, но слишком боялся разоблачения. Было бы достаточно плохо, если бы меня застали там в таком виде, когда мой развратный проступок очевиден, но быть обнаруженным там с брюками вокруг лодыжек, с эрегированным членом в руке... Ну, это было бы не слишком хорошо.

Я наблюдал целый час, как Каролин сначала намазала переднюю часть своего тела, мои глаза были прикованы к ее большим сиськам - которые я жалел, что не прикрыты, я бы с удовольствием посмотрел на ее голые соски - прежде чем она перевернулась и сделала то же самое со спиной. Наконец она подняла себя на вытянутые руки, ее груди повисли под ней, когда она повернула свое тело и села на край полосатого холщового сиденья.

Повернувшись ко мне лицом, она достала сигареты, которые лежали на траве рядом с шезлонгом. Она закурила и курила несколько секунд, давая мне последний, затяжной взгляд на свое тело, прежде чем поднялась на ноги, взяла полотенце и сигареты и пошла обратно по садовой дорожке к дому.

Сад был не очень большой, но высокая живая изгородь скрывала сарай от посторонних глаз. Дорожка к сараю вела вдоль кирпичной кладки соседского забора, мимо почтовой марки газона и еще через пять ярдов или около того к месту, где мой отец, перед тем как уехать, выложил дворик из плитняка. На тесной и густонаселенной улице с террасами. Сад, благодаря высокой живой изгороди и сараю, обеспечивал ценное уединение в районе, где люди жили, почти в буквальном смысле, впритык друг к другу. Хотя наш дом отличался тем, что в нем жили только трое - моя мать, ее подруга Кэролин, объект моего развратного внимания в тот

момент, и, конечно, я.

Когда Кэролин скрылась из виду, я спустил брюки и подергал свой твердый член. Я мастурбировал и фантазировал о лучшей подруге моей матери, представляя себе женщину во всевозможных развратных позах, ее прекрасные сиськи, выставленные напоказ, когда она, задыхаясь, упрашивала меня трахнуть ее.

Из меня вытекала сперма, я задыхался и стонал, закрыв глаза, пока эти образы проносились мимо меня в моем сознании. Я так страстно желал, чтобы я мог дрончить свой член на груди Кэролин, пока она стояла на коленях и предлагала их кремово-кожистое вещество в качестве мишени. Наконец, выдохшись, что, как я знал, будет лишь временным состоянием, настолько я был пылок и жаждал сладострастных изгибов Кэролин, что скоро буду готов выстрелить снова, я наблюдал, как моя сперма тяжело и густо стекает по стене, прежде чем задрать брюки и засунуть свой вытекающий член обратно внутрь.

На следующий день рассвело рано, как это бывает в конце июня в этой части света. Небо, ярко-голубое, без единого облачка, обещало еще один великолепный солнечный день, идеальный для наблюдения за Каролин в саду.

Я позавтракал и притворился, что иду на работу: вышел из дома через парадную дверь, но тут же повернул назад, чтобы проскочить по гиннелю - темной арке туннеля, который тянулся вдоль всех домов, спереди и сзади. У каждого дома был общий с соседней террасой тоннель, чтобы можно было попасть в заднюю часть дома без необходимости шлепать грязными рабочими ботинками по чистому полу и коврам, что было особенно необходимо во время доставки угля. После короткой паузы я глубоко вдохнула и, рискуя, что если мама или Каролин случайно выглянут из одного из задних окон, то меня поймают, поспешила по дорожке к сараю.

Оказавшись внутри и прикрыв за собой дверь, тяжело дыша от волнения, вызванного тем, что меня ждет впереди, и риском, на который я пошла, смело шагая по садовой дорожке среди бела дня, я сняла с плеча сумку и уселась ждать. В сумку, старый холщовый ранец, оставшийся со времен войны, я положил обычный пакет сэндвичей с сыром, бутылку пива и книгу, которую начал читать, устроившись поудобнее в старом, потертом кресле, забытом в сарае после ухода отца.

Утро тянулось, и, хотя сначала было прохладно, с течением дня в сарае стало теплеть. Я ждал, читая книгу и каждые несколько минут вынимая из кармана часы на цепочке. Время от времени я прикладывал взгляд к отверстию в стене сарая, чтобы посмотреть, не решила ли Каролин отправиться в путешествие по тропинке.

Я ждал, а потом ждал еще.

Я ждал еще дольше, пока в конце концов сэндвич не был съеден, а шипучий напиток не

закончился. К середине дня я даже дочитал книгу и проклял свой идиотизм, безумие того, что я сделал. Зачем я пришел сюда? Я подверг сомнению свою благоразумность, сбежав с работы, с последующей потерей дневной зарплаты, чтобы спрятаться в сарае и посмотреть на женщину, которую я никогда не смогу иметь.

О чем я только думал?

Я выглянул в подзорную трубу и увидел... ничего, только патио и живую изгородь, никаких признаков Каролин, которая, как я решил, должно быть, ушла по каким-то своим делам.

Пора было оставить это дурацкое занятие, поэтому я собрал мусор, положил все это в сумку вместе с книгой и открыл дверь сарая.

Конечно же, она шла мне навстречу. Закон Божий.

Увидев, что я выхожу из сарая, Каролин вскрикнула. Она прижала полотенце к груди и несколько раз моргнула, ее рот открывался и закрывался. Затем, когда она поняла, кто так внезапно и неожиданно появился из сарая, с недоумением в голосе она сказала: "Эрик? Какого черта...?"

У меня не было никакого оправдания, какую причину я мог придумать для своего присутствия, когда я должен был быть на работе на железнодорожном дворе. Будучи в таком же шоке, как и Каролин, я моргнул, заикаясь: "О! Я... э... Я..." Я оглянулась на дверь сарая, но из тупых досок не доносилось никакого вдохновения. Смутившись и покраснев, я посмотрела вниз на мыски своих огромных сапог и больше ничего не сказала.

Каролин уставилась на меня, и в ее глазах мелькнуло подозрение. "Что ты здесь делаешь, Эрик? Сейчас середина дня, почему ты не на работе?".

"Мне просто захотелось отдохнуть после обеда", - солгал я. "Сегодня хороший день, и я не хотел торчать на верфях".

"И ты решил спрятаться в вонючем старом сарае?"

Это действительно звучало глупо: прогулять работу из-за погоды, но спрятаться в сарае, когда на улице был такой чудесный летний день.

"Ну", - промямлил я. "Я не знала, если... если бы ты был в доме, ты бы сказал маме, и она бы..." Я пожала плечами. "Ну, ты же знаешь, какая она". Я надеялся, что ссылка на несговорчивый характер моей матери и ее склонность к строгим лекциям о моей трудовой этике и лени молодежи в целом подействует на Каролин.

Каролин вздохнула и улыбнулась. "Я знаю", - сказала она, закатив глаза и одарив меня кривой

ухмылкой. "Можно подумать, что ей семьдесят пять, а не сорок пять". Она посмотрела на меня доброжелательно. "Тогда иди. Я ничего ей не скажу".

Облегчение от того, что все сошло с рук, нахлынуло на меня, как холодная волна. "Спасибо, Каролин", - вздохнула я.

"Я просто хочу позагорать", - продолжала Кэролин. Она жестикулировала полотенцем. "Это была такая ужасная зима... Надеюсь, ты не против, что я здесь только в бикини. Оно немного маловато; я бы не осмелилась надеть его на берегу моря, но здесь, где никто не видит..."

Я покраснела, чувствуя, как мое лицо становится горячим от прямого упоминания купальников Каролин. "О, нет", - начала я, заикаясь. "Я совсем не против. Вы... э-э... вы выглядите..."

"... Как толстая, старая женщина?" закончила за меня Каролин.

Толстая? Боже, нет. Сладострастная и трахабельная, изогнутая и округлая во всех нужных местах. "Толстая?" сказал я. "Ты не толстая, Каролин. Я бы сказала... Я бы... Я имею в виду, что ты... Я думаю, ты красивая", - пролепетала я. Желание Кэролин пронзило меня, и, безрассудный от вожделения, я попятился, не заботясь об этом. "Я бы все отдал, чтобы иметь такую девушку, как ты".

Каролин бросила на меня странный взгляд, вероятно, решив, что я сошел с ума. Она бросила полотенце и зажгла сигарету. Затягиваясь, она смотрела на меня, оглядывая меня с ног до головы, от сапог до глаз. "Но я такая старая, Эрик. Разве ты мог бы встречаться с сорокадвухлетней? Что бы сказали люди? Я знаю, что сейчас 1964 год, а не 1904-й, но..."

Она воспринимала меня всерьез. Я заикался о неуклюжем признании, что она мне нравится, а она не рассмеялась мне в лицо.

Я проболтался: "Мне все равно. Я буду счастлив пригласить тебя куда-нибудь. Куда угодно, я отвезу тебя куда угодно. Куда бы ты хотела пойти? Когда? Завтра вечером? В пятницу вечером?"

"О, Эрик... дорогой, я просто дразнюсь, прости. Может быть, мне не стоит надевать это при тебе, если это может тебя так... возбудить. Я достаточно взрослая, чтобы быть твоей матерью. Я лучшая подруга твоей матери!".

Я на мгновение уставилась на Каролин, а потом, чувствуя себя идиоткой, побежала по тропинке к дому.

Как я мог снова встретиться с Каролин после этой позорной выходки?

Два

"Скарборо", - объявила моя мама четыре дня спустя в пятницу вечером. "Думаю, завтра нам стоит съездить в Скарборо".

"Какая хорошая идея, - щебетала Каролин, - день на берегу моря!"

"И ты тоже, Эрик", - сказала моя мама, вероятно, потому, что я, как работник железной дороги, отвез бы нас туда бесплатно.

Я избегал их обоих ожидающих лиц, особенно лица Каролин после моего унижения в сарае. Я избегал эту женщину всю неделю, уходя на работу рано и стараясь находиться в ее присутствии только тогда, когда рядом была моя мать.

Я встала и отнесла тарелку с ужином к раковине. "О, э... Я не знаю..."

"Да ладно тебе, Эрик", - ответила Каролин. "Устрой нам с мамой день на берегу моря. Это будет весело. Мы могли бы съесть мороженое, покататься на ослике, поплавать в воде..."

Моя мама, разогретая тем, что ее подруга согласилась, уловила заразительный энтузиазм Каролин и добавила: "О, это звучит прекрасно. Мы могли бы устроить пикник... Ой, да ладно, Эрик, не будь таким грубым". Она повернулась к Каролин и пробормотала вполголоса: "Прямо как его чертов отец. Унылый старый ублюдок никогда не хотел веселиться. Пока он не решил свалить с..."

И чтобы избежать вечернего обсуждения недостатков моего непутевого отца, которых, по словам мамы, было огромное количество, я вмешался: "Ладно. Поехали в Скарборо. Я возьму свой альманах и проверю время, но я уверена, что из Йорка есть специальный поезд после восьми".

<http://erolate.com/book/2315/59965>